

18+ Татьяна Груздева

Розы для Аннушки

Повесть о невозможном

Татьяна Груздева
Розы для Аннушки.
Повесть о невозможном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70708735

ISBN 9785006293427

Аннотация

У героини повести нелёгкая судьба. В её жизни часто происходят неожиданные события – и печальные, и такие, которые поистине можно назвать чудом. Неизменным остается одно: состояние очарованности жизнью, яркой влюбленности – не обязательно в человека. Не только в кого-то, но и во что-то. В природу родного края, в краски и запахи, которым не подобрать названия. Даже в тяжелые моменты девушке открыта роскошь окружающего – и это помогает все преодолеть. Мир ей видится волшебным и всегда – цветным...

Содержание

Рождественское чудо (Пролог)	5
Глава первая: Ты для меня – тайна	8
Глава вторая: Фиалка под снегом	39
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Розы для Аннушки

Повесть о невозможном

Татьяна Груздева

© Татьяна Груздева, 2024

ISBN 978-5-0062-9342-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождественское чудо (Пролог)

И само Рождество, и таинственные Святки после него – время чудес. Люди верят в это! А раз верят, то чудеса и происходят. Но я никакого чуда не ждала, даже не думала о таком. Какое уж тут чудо, если мне, судя по всему, жить осталось недолго...

Первый курс химиотерапии я перенесла настолько тяжело, что на второй никогда не соглашусь. Помощи ждать неоткуда, и, значит, пора подвести итоги жизни, чтобы понять, в каких грехах нужно успеть покаяться. И еще мне захотелось сказать добрые слова всем тем людям, которые когда-то, пусть и давно, сыграли важную роль в моей жизни. Я старалась им позвонить или написать. Сейчас отличный повод для этого: можно поздравлять с Рождественскими праздниками!

Поздравила и Всеволода – хотя не верила, что это ему сколько-нибудь надо.. А он вдруг доброжелательно откликнулся. Но удивился все же, почему я неожиданно вспомнила то далекое время, когда мы вместе сдавали вступительные экзамены в университет. Поскольку у меня отпали причины создавать себе искусственный имидж, я ответила откровенно.

Настоящего у меня мало.

Будущего, может, и совсем нет.

А вот прошлое есть.

Сева, знаешь, я обнаружила, что прошлым тоже можно жить! Особенно, если там что-то осталось в тени и нужно это прояснить.

А в том августе, когда у нас с тобой решалось будущее, остались некоторые загадки, хотя сейчас он высветился яркой звездочкой среди моих воспоминаний...

Я не очень надеялась, что Сева меня поймет. Но он не только понял, но и поделился своим, рассказав, что недавно пережил нечто подобное. Переписка, которая возникла у нас с ним вот так случайно, поначалу немного пугала, но опасения и удивление быстро прошли – возникло ощущение чего-то совершенно естественного и очень нужного!

Оказалось, что сейчас мы во всем друг друга понимаем. Вспомнилось, что и в далеком прошлом это уже во многом было. И что «словесная реальность» для нас обоих важна. На каждое свое сообщение каждый из нас получал не ответ даже, а миниатюру в прозе, мгновенно написанную, которая расширяла и углубляла представления о жизни. Это было похоже на эксклюзивный фантастический «пинг-понг», в котором его подачу могла отбить только я, а мою – только он.

И это стало в полной мере Рождественским чудом! Причем двойным. Во-первых, вернулась дружба, которую мы, по стечению обстоятельств, неосторожно потеряли. И оба думали, что навсегда.

А во-вторых, у меня появилось не только полноценное настоящее, но и будущее! Потому что анализы вдруг показали,

что новый курс химиотерапии не нужен. И есть вероятность, что не будет нужен уже никогда.

Когда возникла возможность личной встречи с Севой и более подробного разговора, я задумалась: что и как расскажу ему? Так много лет прошло! Но что-то ведь в этом необъятном прошлом было главным. Самым важным. И мне снова остро захотелось «просмотреть» прошлое. Но уже с другой целью. Для чего я родилась? Каким был замысел Господа в отношении меня? И удалось ли хоть в какой-то мере это реализовать...

Ни в двух словах, ни даже за целые сутки непрерывного разговора, ответить на такие вопросы невозможно. Пришлось написать книгу. Вот эту.

Глава первая: Ты для меня – тайна

И вот я снова родилась...

Звучит странно, но такое я могла бы сказать о себе не однажды. Это на самом деле напоминает рождение.

Не знаю, может, банальные детские простуды и не привели бы к чему-то необычному, но я болела тяжело. Первый раз – в 6 лет, когда на Крайнем севере у меня вспыхнул острый туберкулезный процесс. А потом то его рецидивы возникали, то серьезные проблемы с гландами. И почти всегда это осложнялось таким состоянием, что я оказывалась на грани жизни. Хорошо, что такие моменты не помню.

Но зато помню, как начиналось выздоровление. У меня открывалось тогда какое-то волшебное зрение. Вдруг очнусь, проснусь – и голова уже не болит, во всем теле – забытая легкость, и кажется, что из соседней комнаты льется тихая неземная музыка... Полоска света под закрытой дверью выглядит неправдоподобно яркой, а голоса родителей радуют узнаваемостью и еще тем, что они такие любимые!

Да и вообще все-все вокруг радует! В небе за окном моей комнатки – бесчисленные, бесконечные звезды, и это чудесно. Наверное, так свежо и ярко видится мир, если родиться не младенцем, а сразу вот такой, как сейчас. Или если прилететь с другой планеты.

Когда потом, в суете и суматохе будничных дел, это

необычное, волшебное, зрение притуплялось, я начинала испытывать тоску и что-то похожее на духовный голод. Мне как будто воздуха не хватало! И тогда я понимала, что необходимо сломать привычный ритм жизни и, как в летом в море, броситься в праздник, который сама себе устрою.

Возьму – и не пойду в школу. Мама это разрешала, так как училась я хорошо. Разовые прогулы ни на что не влияли, а на головную боль сослаться легко. Но я не на диванчик с этой якобы болью забиралась, а шла на улицы города.

Помню удивительный день конца сентября, пестрый ковер листьев на тротуарах. Город был тихим и усталым, а еще – неярко золотистым, как потускневшая от времени позолоченная посуда. Листья шуршали у меня под ногами, а прогулка имела одну цель – находить улочки почти незнакомые и немного фантастические. Сворачивая на них, я представляла себе, что только вчера родилась и впервые вижу этот город. Ощущать такое – и тревожно, и сладко!

Восхищало все: силуэт старой церквушки на фоне голубого осеннего неба, наполовину облетевшее дерево, долгожданная прохлада прозрачного воздуха, первый ледок на лужах... Я плотнее закутывалась в осеннее пальтишко, радуясь его уютному теплу – потому что представляла себе близкое уже дыхание зимы. Мне слышалась едва уловимая музыка в окружающей тишине: ее создавали шорохи падающих листьев, шорохи крыльев птичьей стаи, которая пронеслась над куполом церквушки...

На соседней улочке росли огромные клены, похожие на разноцветные шатры. Из их листьев можно собрать роскошный букет, чем я сразу и занялась. Мне было чудно хорошо в этом незнакомом городе, но до боли хотелось чего-то... Чего? Не знаю. Весь этот побег в осень был наполнен вроде бы и счастьем, но не совсем. Скорее, это было предчувствием счастья, подготовкой к нему. И вообще – к чему-то такому, что ждет впереди, но пока – тайна.

Домой я возвращалась в сиреневых сумерках – прозрачных и нежных, как и все, что было перед глазами в этот день. В руках несла охапку кленовых листьев, в сердце были и счастье, и грусть. Себе я казалась повзрослевшей и обновленной.

Завтрашний школьный день уже не пугал – сил хватит до следующего такого же праздника.

Но наступило завтра, и на первом же сдвоенном уроке литературы я эти силы начала тратить, потому что сочинение о Татьяне Лариной писала с активным желанием поспорить. Ведь именно в честь этой пушкинской героини я и получила свое имя.

– Татьяна Ларина – идеал женщины, – не раз говорил отец. Я хочу, чтобы душою ты была похожа на неё...

Ну, конечно: младенцев никто не спрашивает! Давали бы сначала временные имена с правом замены их... допустим, в подростковом возрасте. Я бы таким правом воспользовалась, так как с отцом, а заодно и с учебником литературы, со-

вершенно не согласна! Татьяна Ларина мне нравится, но душевные качества я бы предпочла иметь другие, потому что ну вот нисколечко не хочу благородно страдать от безответной любви! Не мыслю свою личную жизнь похожей на ту, что была у Татьяны...

А тут еще мама умудрилась родить меня в среду. Есть такое шутивное стихотворение:

Между прочим, шутки шутками, но я специально интересовалась и выяснила, что для многих людей стихотворный пустячок справедлив...

Родиться для большой любви... А знаете, я – согласна! И даже чувствую, что многое в жизни могла бы подчинить этому главному предназначению. Но судьбы Лариной все равно не хочу! Пусть моя сложится как-то иначе. Как? Наверное, я это пойму, когда любовь ко мне придет. Но вот здесь в моей жизни получилась заминка...

Отца, кадрового военного, слишком часто переводили из гарнизона в гарнизон. Я не успевала завести друзей ни в школе, ни во дворе, поэтому с мальчишками общаться не умела, боялась их. А когда отец наконец-таки уволился в запас, я была уже подростком. Мой последний по счету класс оказался и самым удачным – может быть оттого, что я пришла в его коллектив без обычного прежде чемоданного настроения.

И вот тут-то мысли о любви стали настойчиво приходиться в голову. Ну, как можно рассуждать о тончайших нюансах

чувств той же Татьяны Лариной, если не знаешь, что такое любовь? И почему это все остальные девчонки знают, а я – нет? Нужно немедленно проверить, в порядке ли моя эмоциональная сфера или со мной что-то не так?!

Я решила обязательно влюбиться. Темными вечерами, когда уже сделаны уроки (к вузу-то я тоже готовилась – глупее мальчишек, что ли?), подолгу смотрела на свое отражение в оконном стекле и пыталась вообразить рядом с собой то Вовку, то Виталика, то Павла... Ничего не получалось! Ни к кому не лежало сердце... Но не может же такого быть? И я продолжала поиски.

Не смущалась, что поступаю «шиворот-навыворот»: надо подождать, когда сердце вдруг само заговорит, а я разумом пытаюсь навязать что-то своему сердечку... Затея безнадежная, и я до сих пор не знаю, почему она удалась. Получилось, как в тех строках, которые я учила на отметку: «Пришла пора – она влюбилась».

После довольно долгих прикидок я поняла, что мне наиболее симпатичны в нашем классе Андрей, а в параллельном – Женька. Жребий, что ли, бросить? Нет, лучше Андрей. Или Женька? С Женей уже и что-то похожее на дружбу начинает завязываться. Мы с ним часто выступаем в обще-школьной команде КВН, которая стала в городе популярной, и ее то и дело приглашают куда-то на игру. На задания, где нужно сочинить стихи и написать что-то в прозе, капитан команды неизменно отправлял нас с Женькой (что у него,

что у меня – неплохо язык подвешен), и мы неизменно этот конкурс выигрывали.

У Женьки победно светились глаза, похожие на темные вишни, и смешно топорщился на макушке рыжеватый хохолок. После игры он обязательно провожал меня домой и всю дорогу нес какую-то смешную чепуху... Да, в Женю можно влюбиться. Чего тут еще думать? Все, я решила! В ту ночь я уснула умиротворенная (наконец-то у меня все, как у людей), и снился мне Женька, о котором я долго и впервые очень тепло (почти влюблено) думала перед сном.

А на следующий день наша классная попросила меня сходить домой к Андрею: нужно было предупредить его отца, известного врача, который вел у нас школу здоровья, о том, что очередное занятие планируется прямо сегодня. Ну и заодно мне передали фрукты для Андрея, который тогда болел.

Андрей был личностью в каком-то смысле исторической. Еще пару месяцев назад англичанка выставляла его в коридор профилактически, едва урок начнется. Войдет в класс и сразу же: «Андрей, go into corridor!»

Такое случалось и на других уроках. Красный, хихикающий Андрюшка, только что совершивший очередную шалость, ничуть не смущаясь, регулярно удалялся вон из класса. Мы привыкли к этому так же, как и к постоянным его тройкам. Что подделаешь, детство затянулось! Поэтому, когда поведение Андрея вдруг переменялось, все удивились.

Пожалуй, кроме меня. Я и раньше замечала в нем стремление докопаться до чего-то главного в жизни и поражалась его кратким емким репликам, почти афоризмам. Хотя случалось это редко – я такие случаи запоминала, поэтому с удовольствием согласилась навестить больного. И не пожалела.

Дома Андрей был непривычно тихий, серьезный! Говорил со мной просто, совсем не рисуясь, как это обычно делали парни его возраста, и очень доверительно. Показал свой секрет: на обороте большой географической карты он записывал интересные высказывания, изречения. Их уже накопилось много, и все они свидетельствовали: Андрей пытается понять смысл жизни. Об этом же говорили и книги в его комнате. Видно было, что читал он много и сложные вещи.

Мне так понравилось у него дома! А Андрей, будто угадав это, попросил меня о шефстве на время болезни. «Не хочу отстать от класса. Приходи, когда сможешь, будем вместе уроки делать!» С неделю я регулярно навещала его, но потом надобность в шефстве отпала, и я вновь стала заходить к Андрею лишь в крайних случаях – так же, как и он ко мне. Как раз в этот момент, когда мы начали хоть как-то сближаться, в нем и произошла та самая удивившая всех перемена.

Андрей внезапно стал получать почти сплошные пятерки. Учителя сначала тоже удивлялись, но быстро привыкли к новому отличнику и даже фамилию его произносили с большим уважением! Андрей перестал вертеться на уроках и озорничать. Он усердно работал. Он осознанно и целе-

устремленно взял курс на институт. На то, чтобы покрывать изнанку карты изречениями, да еще читать их вместе с девочкой, не оставалось ни сил, ни времени...

Я поняла это. И не обижалась. Это же прекрасно, когда человек может поставить перед собой цель и так упорно идти к ней! Разве просто за полгода наверстать все, что было упущено из-за прежних шалостей? А он наверстал. Он сумел заделать все пробоины и пробелы. Я гордилась им. И собой тоже. Я же угадала все это в нем заранее!

– А здорово ты меня эпиграммой «припечатала»! – сказал как-то Андрей, вспомнивший вдруг беззаботную пору своего озорства. – Как там? Начало ускользает... Ты ее еще переделала из довоенного фокстрота!

– Фокстрот «Андрюша», что ли? Вот это?

Андрей вздохнул:

– Сейчас хоть денек бы такой жизни! Но институт выбрал сложный, приходится пахать. Иногда прямо невмоготу! Я ведь на заочные подготовительные курсы поступил. И далеко не все мне там нравится, но я должен осилить программу. Я люблю физику, труды Нильса Бора, например, читаю как приключенческий роман... Значит, должен все одолеть, да? «Все победы в жизни начинаются с победы над самим собой» – и Андрей отогнул уголок географической карты с изречениями.

После шефства над Андреем моя решимость влюбиться в Женьку пошатнулась. Мы с ним продолжали играть в сво-

ей родной команде КВН и запоем сочинять юмористические стихи, но, прокручивая перед сном прожитый день, я все чаще думала не о Жене. Перед глазами невольно появлялся Андрюшка. И нынешний, и тот, недавний, которого за дверь выгоняли. А потом... случилось что-то странное.

Андрея я стала видеть перед собой постоянно. Есть над головой небо, есть солнце, но где-то там, в вышине, рядом с большим общим нашим светилом прочно обосновалось мое личное маленькое солнышко: Андрюшкино задумчивое лицо – такое, как в те минуты, когда он читал мне записи на карте...

И от света этого добавочного солнца все вокруг становилось немного другим, приобретало особые краски, особую прелесть. Как будто я из нашего мира попала в параллельный. Очень похожий, почти такой же, только... все в нем звучит, словно едва слышная завораживающая музыка, все дышит поэзией. Теперь даже мои фирменные прогулы – такие, как «побег в осень» – не нужны будут, потому что нет ничего скучного, будничного, все радуется, все преодолимо – «был бы милый рядом».

И как в той же песне – «больше ничего не надо». Люблю я или нет и кого именно люблю – этот вопрос, как совершенно лишний и глупый, отпал сам собой...

На ноябрьские праздники пошел первый снег. И сразу – метель. Я так засмотрелась на нее, что опаздывала уже к Галке, у которой собрался наш класс – было удобно, что жила

она в частном домике, а родители уехали. Вечер опускался на землю еще не синий, а голубой, и на его фоне белые вихри снежинок казались нарядными кружевами. Праздничные огни города будто вымыты этим снегом. А сами снежинки, такие долгожданные, пьянили своей свежестью, искрились в свете этих огней.

Под ноги снег ложился идеально чистым – так и хотелось к нему прикоснуться! Так почему бы и нет? У стен Галкиного дома уже достаточно намело, чтобы слепить снежки. Я немедленно это сделала, в домик вбежала со снежками в руках и с порога предложила:

– Народ, а давайте устроим праздник первого снега! Какая разница, что там сегодня у взрослых, у нас будет свое...

Ребята загудели, похватали с вешалки куртки – и вся компания высыпала во двор. Наташа, которая училась еще и в музыкальной школе, подняли лицо к небу, немного подумала и выдала стихи:

*Снежинки падали, как звуки,
Как взбесившиеся ноты,
Протяни, Галина, руки,
И поймаешь песню слету...*

Потом началась кутерьма: беготня, игра в снежки. У всех горели щеки, блестели глаза... Андрюха делал вид, будто хочет мне за шиворот затолкнуть снежок, но под этим предлогом пытался обнимать... Я в ответ делала вид, что ничего не замечаю, но радость этого вечера стала такой же искря-

щейся, как первый снег в свете фонарей...

...Между тем Женя стал все чаще навещать меня в гости – к КВН подготовиться или просто так – предлоги всегда находились. Что он становится хорошим другом, в этом я не сомневалась. Вспоминала иногда свое гадание «на ромашке»: «Женя, Андрей, Женя, Андрей...». Может быть, я ошиблась тогда? Когда берешься решать что-то только разумом, получается все «шиворот-навыворот». Жизнь сама расставляет все по местам.

Женьке вообще легко давались контакты с людьми. Не скажу, что друзьями, но приятелями у него была чуть ли не половина школы! Он не умел сердиться и ссориться, а если случался с кем-то конфликт – Женя ловко обращал все в шутку. Тут же, вроде бы сам собой, всплывал анекдот, попадающий прямо «в точку», и через минуту потенциальные враги хохотали от души. А потом, чаще всего, трепались за жизнь до поздней ночи...

Я однажды увидела эту Женькину «методу» на примере своего отца, ведь мой общительный друг и в нашем доме стал своим.

Случилось так, что я пришла домой в два часа ночи. Сейчас это в порядке вещей, но мы подчинялись более строгим правилам второй половины 20 века, и мои родители пережили настоящий шок! Телефона у нас не было: не успели еще кабель к новому дому подвести, и я не смогла предупредить, что после КВН будет еще и капустник – неформальная

встреча нескольких популярных команд.

Почти никогда я не возвращалась домой позже одиннадцати. Только по особой договоренности (допустим, всем классом в театр идем) отец мог продлить мне «комендантский час» до полуночи, но тогда прогуливался рядом с домом – на всякий случай. И вдруг такое ЧП домашнего масштаба!

Женька, провожая меня, надеялся, что сможет все объяснить отцу, который ждет возле дома. Но его не было... И в окнах квартиры свет не горел.

Хорошо это или плохо? Вдруг и вправду родители уснули и не знают, который час? Я пробралась в свою комнату на цыпочках и улеглась, ничем не скрипнув. Пронесло?

И тут же ослепительно вспыхнул свет люстры. На пороге стоял мой разгневанный папа.

– Я-то думал, что моя дочь не позволит себе шляться по ночам! А ты... Завтра поговорим. Сейчас мать с валидоллом лежит. Сразу с утра, как угодно, хоть письмом, хоть телеграммой сообщишь кавалеру, что я тебя после школы никуда отпускать не буду. Поняла?

Свет в моей комнате погас. Величественный, несмотря на наряд из одних только семейных трусов, отец гордо удалился. Я свернулась калачиком. Эх, и когда же телефон проведут? Завтра воскресенье, Женька в кино пригласил... Что он теперь подумает? А ты, папочка, разве не знаешь, что письмо неделю идет?

Утром, когда я хмуро завтракала в одиночестве (родители держались особняком – с каменными лицами) в дверь позвонили. Отец открыл, и я услышала разговор в прихожей:

– Сергей Александрович, прошу прощения за ранний визит. Но у меня из головы не выходит та шахматная комбинация, которую вы блестяще разыгрываете. Раскройте, пожалуйста, секрет! Против вас я это использовать не буду, даю слово! Но у меня есть самонадеянный дружок, которого нужно по носу щелкнуть. Ради его же блага...

Отец обожал шахматы, а партнеров у него было мало: на гражданке друзья для военного пенсионера находились с трудом. Женька же играл вполне прилично, отец радовался, когда удавалось засадить его, вечно куда-то спешащего, за шахматную доску.

– О чем речь, Женя? Раздевайся, проходи. Рад, что ты ко мне пожаловал. А Татьяна сегодня наказана, пусть у себя сидит, мы ее звать не будем...

Я устроилась на диване с любимой книгой, ничего хорошего не ожидая.

Не пилят, и то ладно. Отвлечь отца от моего воспитания – это Женька правильно сообразил. Прошло, наверное, часа три. Из кухни, где расположились игроки, доносились то шахматный сленг, то хохот, вызванный явно не игрой... Я уже было задремала. И вдруг ко мне заглянул Женя.

– Вот те раз! Я стараюсь во всю, а она спит! Собирайся быстрее, до кинотеатра добежать успеем...

– Но...

– Какие «но»? Сергей Александрович все понял про вчерашний вечер, ни на кого не сердится. Отличный у тебя предок! Да не копайся ты, на сегодня еще столько интересных дел намечено!

По дороге в кино Женька объяснил, почему это папочка мой сменил вдруг гнев на милость:

– Во-первых, поиграли мы действительно от души. И потрепались классно! А между делом я рассказал про старшего брата, которого в нашей части города все боялись. Когда он в армию уходил, то познакомил меня с окрестной шпаной. Не думай, интересов у меня с ними общих нет и дел – тоже. Но они знают, что я всегда пойму и помогу, если кому-то приспичит ко мне обратиться – поводы-то разные бывают. Допустим, сигаретами нужно чуть ли не ночью разжиться. Все мы – люди...

Твой отец обещал ждать спокойно, когда ты со мной. Он понял, что на ближних улицах мы в безопасности. И нести караул возле дома отставному офицеру больше не нужно...

Время мчалось быстро: кажется, совсем недавно первому снегу радовались, а уже Новый год подошел. Встречали мы его снова у Гали. Народ веселился от души, а на меня в середине праздничной ночи напало непонятное оцепенение. Я не устала, спать не захотела, просто ушла вдруг вглубь себя.

Очнулась, когда Юра галантным движением поставил передо мной вазу с мандаринами. Он был в кухонном фартуке

и Галкиной элегантно́й белой шляпе.

– Ты заправский повар, Юрка!

– А что? В армию возьмут – я поваром пойду. Красота!

– Тише, народ! Муслим Магомаев поет. Наташа так ждала этого мгновения! Наточка, напиши ему письмо! – Галка протянула подруге лист бумаги, невесть откуда взявшийся.

– Галя! Ты этим не шути! – Юра рассудительно поднял палец и отправил в рот неочищенный мандарин – целиком.

Пока я смотрела на такое чудо и ждала, что Юра, если не подавится, то хотя бы поморщится, Сережка обсыпал меня конфетти – так щедро, что и за шиворот попало. Ох, и зачем он не вовремя вернулся в сегодняшний день? Ведь так хорошо они с Борей сидели в углу и решали мировую проблему – вопрос о своей будущей профессии.

Ну и сидели бы дальше, не замечая ничего вокруг! Вопрос этот всех волнует, однако остальные в адеквате! Хорошо понимают, что этот Новый год мы последний раз встречаем всем классом.

Магомаев закончил выступление. Теперь телевизор никто не смотрел. Юра направился к магнитофону.

– Потанцуем?

– Давайте лучше концерт устроим! Петь хочется.

– А вот пусть Вовка споет. Вовка, давай туристскую!

Мила схватила гитару и, задорно блестя глазами, устроилась возле ёлки. Её аккомпанемент мы считали непревзойденным. Вовка вышел к пианино и, под общий смех откаш-

лявшись, произнес все-таки хриплым голосом: «Не надо, Мил. Я не туристскую». Я заметила, как у Милы вздрогнула рука...

*Я в тебя не влюблен,
Но другие зато влюблены...*

Вовка побледнел, но решительно нахмурил светлые брови. Он смотрел прямо на Милу. Юрка с Сережей переглянулись. Я испугалась, что они... Нет, стали серьезными. Милый Вовка! Не зря он доверяет нам.

Я никогда не думала, что этот вихрастый бродяга, помещанный на походах, может так петь! Почему-то вспомнилось, как несколько лет назад он принес в класс ужа. Девчонки визжали, и только Мила смело протянула к ужу руки. Она всегда была нашим атаманом и лихо дралась с мальчишками. Вовка в детстве не раз восхищенно смотрел на нее. Но не так, как сейчас...

Вовка... – нет, Володя! – пел. Когда он успел так вырасти? Мила не спускала с него глаз. В комнате стояла тишина. Кто-то качнул ёлку, на потолке заплясали разноцветные тени от ёлочных лампочек.

Мне было и хорошо, и отчего-то тревожно. Я отвернулась к окну. Новый год... На улице кружится снег. А где-то там, за выюгой, в незнакомой комнате – тот, от кого мне когда-нибудь захочется услышать эту песню. Может, это и Андрюха будет, но нет! Кто-то, кто скрыт пока временем. Сердце замирает, вместо Вовки у пианино возникает он. Лицо его буд-

то в тумане – не рассмотреть. Но глаза я вижу. Серьезные, смотрят взволнованно.

*Слишком мало сказать,
Что в тебя я влюблен —
Я тебя больше жизни люблю...*

Сердце замирает сильнее, но у пианино – Вовка. Все сидят молча. Юра усердно размешивает сахар в стакане давно остывшего чая. Вовка только что приоткрыл нам незнакомый таинственный мир. Мы почувствовали, что приближается что-то большое, неизведанное. Его дыхание в Володином побледневшем лице, в Милкиных глазах, в метели за окном, в пляске ёлочных огней на потолке...

Потом мы шли всей ватагой по заснеженным пустым улицам. Горели фонари, хотя небо уже стало светлым – 7 часов утра. Хотелось спать. Но мы шли, дурачились, толкали друг друга в снег... Только Вовку девчонки не решились толкнуть.

Город был украшен необыкновенно! Даже сейчас, утром, праздничная иллюминация ярко пылала – и среди узоров из неоновых трубок мелькала цифра 1964. Сердце замирало: что же, что же этот год мне готовит?

Приближались выпускные экзамены. Учителя твердили о них буквально каждую минуту, настраивая нас на особо ответственное отношение к учебе. Но приближалась и весна! Был уже конец марта: днем яркое солнце и звонкая ка-

пель, по вечерам – легкий, бодрящий морозец, сохраняющий, словно аромат фруктов в мороженом, весенний солнечный запах и в темноте.

Мы с Женей заканчивали зимний спортивный сезон, который неожиданно начался на новогодних каникулах. Я кататься на коньках не умела – в военных гарнизонах негде было этому учиться, а Женька с детства владел ими виртуозно и дня не мог прожить без катка. Решил почему-то и мне открыть такое счастье.

Сначала я стеснялась того, что окажусь в новичках наравне с детишками, потом боялась, что мой добровольный тренер заскучает, да и просто замерзнет с такой ученицей... Женька все мои «но» отверг и подарил незабываемые зимние каникулы: две праздничные недели мы бывали на катке ежедневно. А там – нарядная елка, гирлянды цветных фонариков, изумительная музыка... Я буквально окунулась во все это – впервые!

Когда я уставала или сильно шлепалась на лед, тренер усаживал меня на лавочку – приказывая отдохнуть и забыть об ушибе (лучшее лечение!). Сам он в это время в стремительном темпе носился по катку, чем компенсировал вынужденно плавное катание со мной, и суммарная нагрузка за вечер оставалась для него привычной.

К концу января я уже не очень его позорила: под руку с Женей бегала вполне прилично, хотя, оставшись одна, могла и шлепнуться. В награду за успехи Женя предложил

продолжить посещения катка и после каникул, только реже. А в марте каток и вообще работал с перерывами – исключались оттепели, но их было немного, в целом месяц выдался морозным. Наконец настал день, когда Женя объявил:

– В воскресенье ставим точку. До следующей зимы...

С понедельника каток закрывается.

До следующей зимы? Почему он так уверен? Мы же готовимся в институт. Или я уеду учиться в Москву, или он, или мы оба... Вслух я эту мысль высказывать не стала, просто промолчала. А Женька, весело просвистев какую-то популярную мелодию, так же весело и беззаботно продолжил:

– Воскресные вечера у нас теперь будут свободны. Что ты предлагаешь?

Я растерялась и вновь удивилась его уверенности. Каток – ситуация особая и исключительная, но почему Женя считает, что мы и дальше будем вместе проводить выходные дни? Да, я к Женьке привязалась, он стал моим другом – настоящим, что было много раз проверено. Но... я давно не была в гостях у соседки по парте, она уж обижаться стала. И потом: за зиму сложилась внутри класса небольшая компашка, куда входил Андрей и куда охотно звали меня.

Я объяснила ребятам, что временно занята по выходным, но ведь временно! Вдруг они меня в следующее воскресенье в кино пригласят? Я не знала, что ответить Жене. Обижать его ну никак не хотелось, в то же время мне нужно было устроить жизнь так, чтобы любой вечер, который сулит

встречу с Андреем, был бы безоговорочно свободен!

Женька понял мое молчание по-своему.

– Ладно, чего загадывать? Посмотрим, что у нас там в кинотеатрах. Если стоящий фильм – я заранее возьму билеты. А нет, так придется тебе звать меня в гости! Мы же с твоим отцом никак не можем закончить партию в шахматы!

Я стояла и думала. С Андреем мы встречаемся только в классе и на школьных вечерах, очень редко – в компании общих знакомых. А с Женькой больше месяца проводили вместе каждый выходной, я теперь знаю его лучше, чем кого-то еще из парней. И не хочу терять эту дружбу. Вот скажу сейчас Жене, что выходные дни могут стать еще более интересными, чем во время увлечения катком. .

Я уже рот открыла, чтобы произнести эту фразу, но Женька меня опередил:

– Главное – не расставаться... – Он задумчиво поковырял носком ботинка ледышки на тротуаре, потом сдвинул на макушку лохматую лисью ушанку, улыбнулся, но как-то странно, не поднимая на меня свои карие до черноты глаза: – Я не хотел говорить, думал, что люди могут понимать друг друга и без слов... А ты сегодня странная, держишь что-то в себе. Я же вижу. Что с тобой? Хочешь сказать, но боишься? Я тоже боюсь... Поэтому начну первый. Нравишься ты мне. Очень. Я, наверное, люблю тебя...

Дыхание у меня перехватило, сердце подпрыгнуло. Я этого не ожидала! Впервые в жизни такое услышала...

И не знаю, отчего, вероятно, от неожиданности, ляпнула то, чего говорить вовсе не собиралась:

– И ты мне нравишься – как друг. Ты очень хороший. Только... разговоров у нас об этом не заходило... поэтому не было повода сказать, что я... люблю Андрея!

– Да? – он помолчал. – Вот как... Ну, что же. Тогда я пойду домой, – и еще помолчал. Потом добавил:

– А знаешь, завтра я к тебе приду!

Едва раздевшись, я еще в прихожей начала откровенный рев. Чтобы родители не услышали, уткнулась плотно в носовой платок. Он всегда лежал у меня в кармане пальто, а сейчас вместе с платком выпала и какая-то бумажка. Женькин почерк... И когда успел незаметно подсунуть листок?

Я быстренько сказала маме, что голова разболелась, улеглась в постель и под одеялом с помощью фонарика начала разбирать мелкие строчки:

Р.С. Мы познакомились осенью, на первой игре КВН, но все равно это было – в мае! Стихи – так себе, но ты поняла, почему в мае?»

Поняла, конечно же, поняла! И для меня в октябре начался чудесный май, только я не думала об этом, принимала все, как должное... «Теоретическая» влюбленность в Андрея не мешала мне радоваться реальной дружбе с Женькой, и мысль о том, что из-за Андрея встречи с другом могут прекратиться, даже не приходила в голову. Почему я не видела такой опасности – не знаю...

Это хорошо, что я догадалась соврать маме про головную боль, поэтому утром легко получила разрешение не ходить в школу. С успеваемостью у меня проблем не было, так что будь мамина воля, она бы и вообще приветствовала свободное посещение... Но школой руководила не мама, так что прогуливать нужно было с умом.

Одно дело, если требовалось просто выспаться и отдохнуть, и совсем другое – «светиться» в учебные часы на улицах. А я для того и осталась дома, чтобы как можно быстрее оказаться в самом центре города, а точнее – в нашем роскошном драматическом театре. Пришлось добираться до храма искусства «переулками и закоулками», где была наименьшая вероятность столкнуться с кем-то из учителей. И вот он – заветный служебный вход!

На вопрос вахтера, к кому это я утречком пожаловала, с гордостью ответила:

– Меня ждет Мария Ефимовна!

Никакой договоренности с моей родной тетей Машей, конечно, не было, но я по опыту знала, что вахтер не станет до нее дозваниваться, потому что к главному художнику театра поклонники за автографами не бегают, и что пускает до предела загруженная делами Мария Степанова к себе в кабинет только тех, кто ей действительно нужен... Или кому нужна она!

– Тетечка, милая, простите, что я без предупреждения, но я... я не знаю, что мне делать! В школу не смогла пойти,

чтобы с Женей не встречаться, потому что не могу просто поздороваться с ним! Мне нужно ему сказать... что-то очень хорошее, только не знаю, что...

– Танча, перестать тараторить, – ответила мне тетина спина. Мария Ефимовна чудом удерживала в руках крошечный трон Снежной королевы, который срочно нужно было доделать, пока не высох клей в том месте макета декорации дворца, куда надлежало водрузить этот сверкающее чудо...

Я замолчала и стала ждать, пока тетя сможет на время отвлечься от макета и повернется ко мне. Разговаривать с теми, кто стоит у нее за спиной, художница не любила: «Люди должны видеть глаза друг друга».

– Правильно сделала, что прибежала сюда, – сказала, наконец, тетя. – Пойдем за мой чистый гостевой стол, чаю попьем. Я с семи утра вожусь с макетом, руки уже болят...

Чай был с травами и к нему – фирменные булочки из театрального буфета. На душе от этого стало немножечко легче, хотя порою слезы наворачивались на глаза. Мария Ефимовна о моих сердечных делах давно все знала, а главное – понимала меня: с ней разговаривать было проще, чем с мамой, к тому же тетины слова часто «подбрасывали дровишек в костер» – то есть давали пищу для неожиданных размышлений.

– И куда это вы все спешите? – строго спросила тетя. – И ты, и друг твой Женя... Хороший паренек, я помню, как вы с ним ко мне в мастерскую ворвались прямо после спек-

такля – и цветы принесли, словно примадонне! Его была идея, да? И вечерам вашим на катке я очень радовалась, поверь... Такие зимние каникулы – это ведь роскошный подарок. А ты чем его в ответ одарила? Не успела еще? Так думай!

Все у вас хорошо шло, только о любви не нужно было говорить. Я не имею в виду то, что вы не доросли еще до такого чувства: он – к тебе, а ты – к Андрею. Может, и доросли, только это НЕВАЖНО! Понимаешь?! Важно то, что сложилось хорошее общение, которое украшает жизнь вам троим, делает ее более насыщенной, яркой... Ну и берите это богатство, наслаждайтесь им! И не спешите ставить точки над *i*, жизнь потом сама об этом позаботится...

Ты ведь, девочка моя, замуж не собираешься? Ни за Андрея, ни за Женю... Ах, в институт собираешься? Вот и они – туда же. Для них серьезные отношения, требующие ясности «кто с кем», еще ох как долго будут вне повестки дня!

Так в чем же проблема? Тебе дороги оба парня, и совершенно не важно, что чувства к ним разной природы. С Андреем вы встречаетесь в общей компании, и, анализируя твои рассказы, я вижу, что изменений тут не предвидится. Да, да, да! Как бы тебе ни хотелось иного... Но зато из-за Андрея на ваших, как вы это называете, тусовках тебя греет особая романтика. Я думаю, что и его тоже...

А с Женей можно поговорить обо всем, как с хорошей подругой, в кино пойти, на каток, да куда угодно! И он будет

с тобой гораздо честнее, чем любая подруга, и уж несравненно более верен дружбе! Потому что «роскоши» в такой дружбе больше.

Помнишь, надеюсь, слова Экзюпери о том, самая большая роскошь на свете – это роскошь человеческого общения? И не верь, если услышишь, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает. Еще как бывает! Вот возьми, почитай письмо, которое я получила недавно от сокурсницы по художественному училищу:

«Мама, я хочу спросить тебя о таком явлении, как «дружеская влюбленность»: интересно, я одна ему подвержена или нет? Когда встречаю в жизни единомышленника (хотя бы на краткий момент жизненного пути) – я искренне влюбляюсь в него. И если женщины нормально воспринимают это проявление чувств, то мужчины – не всегда... Почему-то у них возникают на мой счет далеко идущие планы... А ведь я влюбляюсь в них, как в красивый цветок, как в солнечный закат, как в прекрасного духовного спутника!

Я верю в чистую и искреннюю дружбу между мужчиной и женщиной».

Я отложила листок письма в сторону и несколько минут не могла собраться с мыслями. Значит, у меня к Женьке возникла такая вот «дружеская влюбленность»? И люди говорят, что это вполне нормально: наслаждаться общением с другом, храня в душе и иное чувство. Так, что ли? Странно очень...

...От Марии Ефимовны я вернулась уже поздно вечером,

но родители, узнав, что я провела день у маминой сестры, не стали упрекать ни тем, что школу прогуляла, ни придуманной головной болью... Они знали, что без особой причины тетя меня так долго ни за что бы у себя держать не стала...

А к Женьке на следующий день я подошла совершенно спокойно.

– Воскресные вечера у нас теперь свободны? И ты спрашивал, что я предлагаю? Так вот: предлагаю не я, а Мария Ефимовна. Она выписала контрамарку на посещение всех спектаклей до конца этого сезона. На два лица... Правда, сидеть придется в служебной ложе – это почти что на самой сцене, у боковой кулисы. Но бывают ведь свободные места и в партере, и на ярусах. Тетя Маша сказала, что дежурная по залу это всегда видит и очень вежливо почетную публику из служебной ложи туда провожает...

Я не знаю, насколько тебя привлекает театр, ты ведь кино любишь, но тетя предлагает после премьер оставаться на обсуждения, куда приглашается культурная элита города. А там чего только не бывает! Капустники, фуршеты, спонтанные диспуты... Мы можем, если большая доза театра тебе ни к чему, ходить только на премьеры и оставаться на капустники. Я думаю, что они похожи на наши КВН, только классом гораздо выше... Интересно же?

Женька ошарашено почесал лохматый затылок.

– А с чего это такая щедрость твоей суровой тети?

– Она вовсе не суровая, просто хронически уставшая...

А щедрость? Тетя считает, что мои мечты о журфаке далеко не беспочвенны, ей нравится, как я пишу. А любому журналисту не помешает умение писать и театральные рецензии, только театр нужно знать очень хорошо и знакомство с его истинной жизнью начинать как можно раньше... В выпускном классе – в самый раз!

И знаешь, Жень... Спасибо тебе за стихи. Я из-за них даже в школе вчера не была – расчувствовалась...

– Из-за них?! – искренне изумился Женька. – Да это же..., да я еще лучше напишу! А тот листок нужно редактировать, считай, что получила черновик. И знаешь, если бы ты и сегодня в школе не появилась, я бы к тебе домой обязательно пришел! А вчера... тоже подумывал прийти, как обещал, но потом решил, что тебе нужно побыть одной.

Не хотел мешать и вообще... Пусть тебе нравится кто угодно, душе не запретишь... Но дружба, она встречается гораздо реже. Потерять легко, в одну минуту можно, а вернуть потом ни за что не получится... Это не цитата, я сам уже успел понять...

– Вот здорово! Я тоже это поняла... Мне тетя необычное письмо своей подруги показала, хочешь прочитать?

– Разве такое можно делать?

– Почему нет? Тетя нас на чай приглашает, а значит, позволит посмотреть все, что у нее есть в доме... С ней все-все обсуждать легко! Пойдем?

– Ну, не знаю... Дня через два годится? Да, кстати, я вчера

новое стихотворение начал писать... Сам не понял, о чем. Нахлынуло вдруг что-то странное... Я могу сейчас прочесть только две строчки, дальше пока сумбур. Хочешь?

Конечно же, я хотела. И услышала то, отчего вдруг мурашки по телу побежали...

Поезда по улицам? Но они же... не какие-нибудь пассажирские или скорые... Это мистические поезда, они уносят нас в неведомое нечто – другую реальность, другой мир. Их никто и никогда не видит, но все – чувствуют и всю жизнь их ожидают... пусть только ожидание это остается приглушенным, не вполне осозанным. Пусть яркие впечатления сегодняшнего дня будут для поездов Жени, как солнце, при котором и луна на небе есть, но она, пока не придет ее час, никому не видна...

Чай у тети Маши – это действительно Женьке нужно! И немедленно. А с поездами потом разберемся...

Контрамаркой, которую выписала тетя Маша, мы с Женей успели воспользоваться раза три. Потом не до театра мне стало...

В середине апреля отца положили в госпиталь – сначала, вроде бы, ненадолго, чтобы снять острую головную боль. Но рентген черепа показал, что помочь моему папе уже ничем нельзя: раковая опухоль, которую удали два года назад, выросла снова и теперь неоперабельная. Жить ему остается недолго...

Когда это случится, никто не знал, но боли усиливались,

мама пропадала в госпитале до ночи, я одна готовила еду – себе и ей, и думать не могла ни о чем, кроме того, как подержать маму. Она боролась отчаянно... Уже не за то, чтобы спасти своего любимого, но хотя бы немного продлить ему жизнь, облегчить его боль. Это продолжалось два месяца.

Похороны прошли, словно в тумане. На кладбище я стояла по колено в крапиве – в середине пышно разросшегося куста, но не чувствовала ожог. Только дома кто-то заметил, что ноги у меня в волдырях.

Я так боялась, что мама утрату не переживет! Но она любила не только отца, меня тоже. И держалась изо всех сил, потому что знала: начинается самый ответственный период моей жизни. Выпускные экзамены в школе я сдала хорошо, стресс от смерти отца почти не повлиял, так как пробелов в знаниях у меня не было, школьная программа усвоена прочно.

Но хватит ли этого запаса на вступительных в Москве? Где не будет знакомых учителей? Ведь собралась я не куда-нибудь, а в МГУ.

Отъезда ждала с тревогой и страхом. «Что день грядущий мне готовит»? Страшно становится каждый раз, когда изменяется привычная обстановка и нужно броситься в неизвестность, как в воду.

И вот – солнечное летнее утро. Электричка помчала нас с Милой сквозь зеленый кружевной коридор леса – навстречу неизвестному будущему. При дальних поездках об-

становка вокзалов, вагонов – это буфер между прошлым и будущим, которое пока в тайне. Перемена в жизни наступит не сразу. А сейчас – головокружительный прыжок в близкую, но совсем иную реальность. Что будет со мной всего через три часа?

*Если ты родился в понедельник, это значит —
Будешь ты красавцем, парень, не иначе.
Дети вторника родятся для удачи...
Каждый день в неделе что-нибудь да значит!*

Для большой любви родятся люди в среду,
А четверг сулит нелегкую победу...
Дарит пятница тревоги и заботы,
Путешественник рождается в субботу.
Ну, а если ты родился в воскресенье —
Получай в наследство радость и веселье!

«Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?
Промчись по классу, партами гремя!
Поднажми, чтобы стекла затрещали
И все девчонки глядели на тебя!»

Хочешь, дам тебе имя?
Ты для меня – Тайна.
Я встретил тебя в мае,
И это совсем не странно...
Только ранней весной
Везде расцветают цветы,
Они и в стужу со мною:
Их оживляют мечты...

Уходят поезда
Неведомо, куда,
По тонким лентам
Самых длинных улиц...

Глава вторая: Фиалка под снегом

Хорошо, что подавать документы в вуз мы собрались вместе с Милой. Она за словом в карман не лезет. Если вдруг в дороге какой-то эксцесс, ну, например, приставать в электричке кто-то будет, Милка отошьет как делать нечего. Я так не умела. Да и не по себе мне было в то утро.

Легко мечтать о заманчивом будущем, испытывая очень важное для меня чувство защищенности. Но Милка рядом только на время дороги – ей надо в медицинский институт. И то хорошо! Может, успокоюсь в электричке, привыкну к мысли, что дом мой – позади.

Вот и Москва. Расстаться с Милкой мне было страшно. И я поддалась на уговоры поехать сначала с ней в мед, отдохнуть там немного, а потом уже одной – на Манежную площадь, где находился филфак МГУ. Напрасно я так сделала! Отдохнуть с Милой в кафешке не удалось, а крюк этот только силы отнял.

В помещение приемной комиссии я вошла такая, что, как говорится, впору «язык на плечо вешать», жара в Москве стояла градусов 30, а сумка тяжеловата для меня. Огляделась, нашла к какому столику надо, и даже застонала – ну и очередь! Последним в ней оказался светловолосый парень спортивного вида. Я встала сзади него, даже не уточнив, не занимал ли уже кто-то, но отошел. Сил на вопросы не бы-

ло...

Паренек оглянулся и, видимо, понял это.

– Ты что такая запаренная?

– Как что? Устала по жаре тащиться...

– Сумку-то поставь, даже можешь на лавочку отнести – вон видишь, куда вещи кладут? Но у тебя сумка небольшая, у меня рюкзак больше.

– А я недалеко живу, в Калуге. Если вещей не хватит, всегда домой можно смотаться.

– Хорошо тебе! А я из Полтавы. Тебя как зовут-то?

– Таня...

– А я – Всеволод. Сева. Если хочешь, сходи в туалет и умойся. Легче станет. Я скажу, что ты за мной и за сумкой твоей посмотрю...

Я так и сделала: поплескала на себя холодной водой, ожила. Вернулась в очередь уже более бодрой и отважилась «поболтать» с новым знакомым. Когда мы с ним отдали документы и получили талоны в общежитие, он спросил уже как о чем-то само собой разумеющемся:

– Ну, поехали? Общежитие искать...

Я была рада, что нашелся попутчик. Дорогу до Мичуринского проспекта не знала, хотя в Москве бывала относительно часто, а спрашивать у прохожих не любила. Всеволод, видимо, тоже. Поэтому мы понадеялись на свою сообразительность, и отыскав трамвай нужного номера... поехали в другую сторону. Когда поняли это, огорчаться вроде бы причи-

ны не было – у нас началась увлекательная беседа!

Перешли дорогу и поехали теперь уже правильно, но, конечно, ехали дольше! А потом еще и пересадка была. Наконец, добрались. Нашли каждый свой корпус, а после встретились в столовой – дело к вечеру шло, а мы с утра не ели... Сева сказал, что поселили его сразу и удачно, комната и соседи понравились.

А мне вот не повезло! У меня только взяли талон и показали, где оставить вещи. Комнат свободных не оказалось, комендантша разворчалась, что я поздно приехала, гуляла не весть где! Но увидев мое расстроенное лицо, пообещала, что попозже что-нибудь найдется.

Не нашлось. К ночи в коридоре скопилось еще несколько неприкаянных абитуриенток, и нас всех отвели в спортзал, где стояли только стулья... Их нужно было брать каждой девице шесть штук и делать подобие постели: ставить по три стула лицом друг к другу, соединяя сиденья. На это шаткое сооружение клали матрасы, подушки и белье.

Я так и сделала и даже легла, начав мечтать о чем-то, но быстро вскочила! Постель разъехалась, хотя я и не была толстушкой. На пол чуть не шлепнулась... Что делать-то? Вон другие девицы как-то приспособились, сопят уже, я больше убей не лягу!!!

Вышла тихонько в коридор и обнаружила, что на подоконнике сидит черноволосая девушка и чуть не плачет...

– Ты что?

– Не могу я на этих стульях, а тут сидеть боюсь! Вдруг ругаться будут...

– Я тоже не могу. А давай ближе к туалету на подоконнике устроимся, а если дежурная вдруг не спит и спросит, скажем, что в туалете занято – ждем! Не пойдет же проверять?

Девушку звали Аля. Мы с ней стали подругами почти мгновенно! И разговорились так, что уже и рады были такому приключению со стульями. Потому что нам времени до утра не хватило, чтобы прочитать друг другу все любимые стихи, обменяться девичьими тайнами и перемыть косточки своим недавним учителям... Утром расставаться не хотелось. Поселят еще на разных этажах, далеко друг от друга? Не набегаясь... и у нас с Алей придумался хитрый план: сказать, что мы – двоюродные сестры, и в сумках есть вещи на двоих! Мамы так уложили.

Комендантша, услышав это, даже чем-то поперхнулась, удивившись такой наглости, но все же нашла места в одной комнате. Поскольку ночь мы не спали ни минуты, Аля свалилась, едва добралась до нормальной постели. А я только застелила ее, отнесла в санузел мыло и зубную пасту и остановилась в нерешительности... Спать? Но тогда я до вечера не встану. А вдруг Севка захочет узнать, как я устроилась? И ждет возле корпуса? Да нет, что за глупости? Он и забыл уже про меня.

Но коварный внутренний голосок начал приводить аргументы в пользу того, чтобы выйти...

– А может, он очень вежливый? Обязательный. Ты вчера пожаловалась, что никуда еще не поселили, неизвестно, как ночь проведешь. Ну, вот может же человек проверить, все ли в порядке? И не воображай!!! Ни к каким твоим несуществующим личным достоинствам это не относится.

Пусть не относится. Если честно, то увидеть Севу хотелось, потому что вчера рядом с ним вдруг прошел страх неизвестного будущего, появилось то чувство защищенности, без которого я бы и не избавилось от внутренней трясучки... Почему так, я не могла сказать, да и думать об этом не хотела...

Сева на самом деле сидел недалеко от корпуса, в тенистом уголке под деревьями. Поздоровался и сразу к делу.

– Вот смотри: я раздобыл расписание консультаций на неделю. Завтра первая. Поедешь?

Ну, конечно же, я ответила, что поеду. А он продолжал:

– Ты как будешь готовиться? В который раз повторять школьную программу нет смысла. Я выяснил, что в литературных музеях часто бывают интересные лекции, там можно получить дополнительные сведения по программе, да еще и узнать о новинках современной литературы.

– А это надо? Знать о новинках?

– А ты как думала? Вот ответим мы на вопросы билета, а нам начнут задавать дополнительные! По билетам все примерно одинаково отвечают, надо же экзаменатору представить себе кругозор абитуриента, его индивидуальные пред-

почтения, особенности...

Меня охватил страх. ТАК я не готовилась. Читала, конечно, книги вне программы, и достаточно много, но не всегда современные, и это было хаотично, без систематизации и обдумывания...

А Сева поинтересовался, кто из поэтов мне нравится? Я ответила, что последнее время «не вылезая» из томика Евтушенко, читаю и перечитываю. Многое, в том числе «Песня Сольвейг», невольно выучила наизусть. И вот еще – моя тетя нашла для меня в «Литературке» большую, на полосу, подборку стихов Бориса Примерова – «Синевой разбуженное слово». Они тоже, как-то сами собой, легли в память. Сева поморщился.

– Ну, Примеров – это не то... Я тебе дам на время книжку Роберта Рождественского, изучи! Обрати на него особое внимание. Обязательно прочитай поэму «Письмо в Тридцатый век».

Во время разговора меня не покидал стыд – ну, почему же раньше я ни о чем таком не задумывалась? Ой, темная я какая, оказывается! Хотя и возможности не было... Пока школа не осталась позади, я очень доверяла учительнице литературы, она старалась подготовить нас и к вступительным экзаменам в вуз. А потом... в середине выпускных умер отец. И полтора месяца после похорон прошли, как в тумане...

Я коротко рассказала об этом Севке. Не хотелось, чтобы мои печальные обстоятельства выглядели как оправдание,

но не сказать не могла... Он заметил, что я совсем приуныла, и утешил.

– Не горюй! Время еще есть. На подготовку, что даже удивительно, к каждому экзамену несколько дней дают, многое можно успеть. На лекции-то будем ходить?

– Ой, конечно! Предупреждай, где и когда.

– Давай так. Накануне лекции я буду сидеть тут, на лавочке. Подойди в любом случае: если вдруг не сможешь, то скажешь, и я поеду один. И заведи большой блокнот: записывать, я думаю, много придется...

Всеволод ушел, а я осталась сидеть. В голове был сумбур и почти что отчаяние... И тут появился Ванечка. Это ребята его так окликнули: «Ванечка». Стайка ребят пробежала мимо лавочки, и кто-то крикнул пареньку, который вдруг присел рядом:

– Эй, Ванечка! Давай к нам!

– Проходите мимо. У меня разговор.

Какой разговор? Со мной, что ли? Никого больше на лавочке нет... Я и вот этот худощавый юноша, остреньким лицом похожий на лисичку. Но такое сходство его не портит – все искупает открытый и доброжелательный взгляд. Только мне-то что? Знакомиться я с ним не собираюсь. А Ваня, будто услышав мои мысли, предложил:

– Познакомимся?

– Зачем?

– Ну, ты даешь! Зачем люди знакомятся? А мы – соседи,

я видел, что ты из этого корпуса вышла.

– Ну и что? Я экзамены сдавать приехала, а не знакомиться.

– Одно другому не мешает, даже помогает! Это я тебе как будущий психолог скажу. Мне ведь не поступать надо, как тебе, а хвосты закрыть. Поэтому и приехал раньше сентября.

– Так иди, учебники штудируй, иначе так хвостатым и останешься.

– Ой-ой, девушка, а если подумать? Вот будешь ты корпеть над книгами с утра до ночи и что? Голова быстро откажет, выгорание наступит.

– Что? Какое выгорание?

– А это термин такой в психологии. Потом объясню. Человеку отдыхать надо, переключаться с одного вида деятельности на другой. Ну и на собственно отдых. Иначе – стоп. И, как ни бейся, ничего путного сделать уже не сможешь...

Вот ты встала утром – душ, зарядка, потом работаешь, потом отдых, обед, снова работа. Но не до ночи! Вечер – время особое. В кино сходить – со мной. Прогулка перед сном. Со мной!

– Ты, Ванечка, что?! Перегрелся на солнце? Ходи гулять с кем хочешь, я тут не причём. До свидания!

Когда я вернулась в комнату, Аля уже проснулась, сидела на кровати и расчесывала свои длинные черные волосы – они у нее были до пояса. На меня посмотрела с удивление:

– Ты где была-то? Вид такой, будто экзамен уже сдавала!

– Алечка, расскажу, но только теперь я – спать. А то мне потом блокнот большой заводить надо, с выгоранием бороться и вообще... – я закрылась одеялом чуть ли не с головой и повернулась носом к стенке.

Начиналась новая жизнь...

– Послушай, а что не так со стихами Бориса Примерова? – после разговора с Севой эти его слова не выходили из головы, и я решила спросить.

– Не знаю, я им не интересовался, только мельком слышал. Это кто-то из начинающих, и если даже подает надежды, то поэт второстепенный, нам нет смысла его на экзамене упоминать.

– Жалко... Мне понравилось, да и тетя моя что попало не стала бы показывать. Она художник нашего драмтеатра – человек умный, творческий. И со мной всегда делится, подарила томик Евтушенко и эту вот публикацию в «Литературке» о Примерове недавно принесла – на целую полосу! Да, сборник «Синевой разбуженное слово» у него первый. Ну, так у всех бывает первое!

Мне кажется, что вполне хороший образ.

– Читай, если нравится. Я не о том, кому что нравится, а об экзаменах – что в наших ответах преподаватель наверняка оценит.

– А к Юнне Мориц ты как относишься?

– Странный вопрос! Это же, в основном, детский поэт! Совершенно детский!

– Знаю. Но вот мне кажется, что иногда в произведениях для детей взрослые открывают для себя важные вещи! Это как у Сент-Экзюпери «Маленький принц». Дети видят в этой сказке свое, взрослые – свое! Тетя Маша подарила мне и эту книжку – с чудесными иллюстрациями. Я почти наизусть уже выучила – потому что часто читаю кому-то вслух! Любимым новым знакомым так и хочется сделать такой подарок – прочитать. И говорят, что у меня лучше получается, чем у Марии Бабановой на пластинке.

Хочешь, и тебе прочитаю? Эта книга всегда со мной...

Севка промолчал. Ни да, ни нет! И мне показалось, что он как-то насупился, отстранился. Что-то не то я говорю? Поссориться не хотелось. Лучше бы и мне перейти к молчанию. Но иногда в меня какая-то вредность вселяется! Не потому, что хочется настоять на своем, а просто кажется, что могу представить дело в неожиданном свете! И разрядить обстановку.

– У меня есть пластинка Юнны Мориц – «Сто фантазий». Для пятилетней сестренки. Но уверена, что детские эти стишки больше радуют меня! Особенно два – «Малиновая кошка» и «Ёжик резиновый». Я их читаю почти с таким же удовольствием, как «Маленького принца». Ёжик – очаровательный! Просто блеск!

Не всё и не всегда должно быть серьезным! Мы живем не только для экзаменов. И «иголки» нам вовсе не нужны – правда же?

Севка еще немного помолчал, а потом засмеялся:

– Убедила! Но от «иголок» будем избавляться взаимно.

Особенно, если кому-то кого-то повоспитывать захочется.

Я вздохнула с облегчением.

Жара уходить не хотела. Август уже, а солнце пекло, как в середине июля. Мы с Алей с трудом находили место и время для занятий – в комнате, кроме нас, жили еще второкурсницы Наташа и Алла, которые, как и Ваня, приехали раньше, чтобы пересдать запоротые экзамены. Но когда они готовились, непонятно – постоянно у них хохот, анекдоты.

По всем этим причинам подготовка к экзаменам напоминала бег с препятствиями: то от солнца, бьющего в окно, убегаем, то от шума. Мужской корпус стоял совсем близко к нашему, и если там кто-то ставил на подоконник магнитофон, то орал он как над ухом... Правда, не всякая музыка раздражала. Ритмичную я не выносила, а лирические песни могли даже помогать, если не слишком тревожили душу, пробуждая мечтательное настроение.

Алка наоборот. Ритм ее активизировал: она пританцовывала в такт, невольно прекратив болтовню, и занималась поэтому более продуктивно. А вот лирика раздражала, Алла пускалась в ехидный спор с песней.

– Тань, прихлопни окно! Убила бы придурка, у которого такие записи! Люди к экзаменам готовятся, а ему девчонка нужна...

«Среди шумных подруг неприметна она...»

– Ну и дура, что неприметна! В магазинах косметики полно. Девки, кстати, а где моя помада? Таня, не видела?

– Аллочка, я помадами не интересуюсь.

– Так ведь и ты – дура. И парень, который тебя вчера ждал. Раз такую скромницу нашел...

– Алка, заткнись, – Аля, включившись в разговор, выразилась более энергично, чем я. – Мне песня нравится! Я бы и весь этот цикл послушала.

– Это что – «Я тебя подожду»? Ну, вообще... Ждать-то зачем? Мало ли что он сказал? Возьмет и не придет. В жизни все на ходу меняется. А ты так и просидишь, стареть начнешь, никому не нужной станешь... Нет уж. Жить нужно здесь и сейчас!!!

Алла и Наташа составляли одни лагерь в нашей комнате, мы с Алей – другой. Первые дни еще как-то пытались вступать с ними в спор, но быстро поняли – незачем. Надо молчать или уходить. Особенно тяжело нам пришлось в первые ночи, когда соседки, устроившись в постелях, начинали своеобразную «сказку на ночь» – наперебой рассказывали неприличные анекдоты. Когда увидели, что ни я, ни Аля не смеемся, и даже головы под подушку прячем, раззадорились еще сильнее. Веселила их наша «дремучесть».

Аля даже заказала разговор с мамой, и я, проводив ее в переговорный пункт, слышала, как подруга кричала в трубку:

– Мамочка, ну не могу я! Можно, заберу документы и уеду? Нет, просить другую комнату бесполезно – тут таких

девах большинство, я уже поняла. Сейчас мы хотя бы с Таней вдвоем. Беруши или наушники? Хорошо, мы попробуем... И не обращать внимания? Ладно...

Когда «воспитательницы», пытающиеся наставить наивных провинциалок на путь истинный, поняли, что мы с Алей слушать их анекдоты все равно не будем, то поутихли. Без благодарной публики неинтересно, а сами они репертуар друг друга, видимо, давно знали.

А для дневного убежища мы неожиданно нашли небольшую комнатку на 1 этаже. Это была подсобка, где хранились метла и тряпки, Уборщицы после обеда уходили, а дверь в каморку не запирали – брать-то там что? Ну и разрешения мы осторожно спросили. Окно в комнатушке было большое, света много, стулья стояли, что еще надо? И вот там мы с Алей говорили обо всем, чего душа просит!

Песни от соседей туда тоже долетали. Однажды Алю удивило, что я мгновенно и полностью ушла в себя при первых же тактах песни «Темная ночь». Пел Марк Бернес.

*«Темная ночь разделяет, любимая, нас,
и тревожная черная степь пролегла между нами...»*

– Ты что? Словно застыла на месте...

– Услышала свою колыбельную. Помню ее столько же, сколько и себя... Мама пела. А сейчас даже не знаю, что со мной происходит... Эти слова меня словно родниковой водой умывают.

Аля, но если так бывает, если вера в дорогую подругу ре-

ально от пули хранит, а мама говорила, что это правда, то почему? Почему надо смеяться над теми, кто ждет? Почему жить «здесь и сейчас» – это лучше?

– Да плюнь ты! О таких, как Алка, не думай. Хотя я тоже не знаю, почему. Почему правда, которую люди выстрадали, вдруг устарела?

Когда мы приходили в каморку вечерами, то свет не включали, чтобы с улицы не видно было, то тут кто-то сидит. Зато зажигали маленькую свечу – ёлочную. И ставили ее низко – на крошечную табуретку. На стенах от этого появлялись фантастические тени, лица наши тонули в полумраке. Поэтому разговоры получались откровенные.

– У тебя кто-то есть? – спросила Аля.

– В смысле?

– Ну...

– А, понятно. В «том» смысле – нет. Но была школьная любовь. На троих. Я любила Андрея, а меня – Женька. Но потом я поняла, что Женька – хороший друг. И думаю, что таким и останется! А Андрюха... Не знаю. Теперь ведь все по-другому будет. Он во Фрязино, вряд ли сможет часто приезжать. Где я окажусь к концу месяца, неизвестно! А у тебя?

– А у меня – есть. Но мы с Сережей скоро поженимся. Я не огорчусь, если не поступлю. Узнала уже, что хорошее искусствоведение – и в Уральском университете есть. Буду работать в школе, приглашали уже, учиться заочно. Сережа

говорит, что так даже лучше... Ну, а тот парень, с которым ты на факультет ездешь? С ним-то что?

– А что может быть? Я для него «боевой товарищ» – вместе штурмуем МГУ. У нас так с первого дня пошло. Не думаю, что он во мне вообще девушку видит! Но терять его почему-то не хочется... Может, с ним, как с Женькой получится? Но вряд ли...

Сейчас мне без него плохо было бы... Вот помнишь, ты к своим московским родственникам ездила? На целый день. А меня Наташка с Алкой пригласили погулять – вокруг много красивых мест, но мы туда не ходим. Одним страшно, глухие все уголки. А соседки наши уверили, что будут со своими парнями – большая компания.

В большой – чего страшного? Сказали, что прогуляемся к Китайскому посольству, вокруг него – яблонь много, и яблоки уже есть. Мне яблоки не нужны, но красивое место посмотреть можно.

Сначала и правда: у Алки свой кавалер был, у Наташки – свой. А я – сама по себе, что успокоило. Но когда уже в аллее углубились – вдруг третий парень появился – откуда ни возьмись. И идет рядом со мной... И чем дальше, чем шуточек дурацких больше. Сначала технику поцелуев начали обсуждать. Вроде и понятно, что трёп, но мне стало не по себе. А потом Володя, тот, что рядом со мной шел, возьми и скажи: «Что вы, девушки, поцелуи – это пройденный этап! Неинтересно уже. Но вот лавочки тут, возле посольства –

удобные. Широкие».

Меня от таких слов в дрожь бросило, паника охватила... Что делать? Но пришла спасительная мысль. Я косыночку с шеи сняла, к щеке приложила и потребовала: проводите скорее домой! зуб разболелся. Надо лекарство срочно положить, мне врач назначил...

Думаю, что никто не поверил, но я настаивала, и компания решила, что Володя отведет меня за лекарством, но потом – обратно сюда! Дошли мы до корпуса, Володя ждать под окном остался, но я фигушки вышла!!! И даже к окну не подходила. Он постоял и ушел... А мне, когда пришла в себя, так захотелось Севку увидеть! Не за тем, чтобы пожаловаться – на что, если я сама по глупости пошла? Но просто увидеть и окончательно успокоиться.

Вечером Наташка и Алла, конечно, возмущались, что я ушла, дурой, как всегда, называли. Но мы же с тобой их не боимся!

– Да ну, чего их бояться? Только вот думаю, что и Володю этого ты тоже напрасно испугалась. Ничего бы он тебе не сделал! Рисуются они, имидж крутых создают... Ребята эти не с улицы ведь, тут же, у нас живут, и учатся, скорее всего, с нашими красотками. Свои, в общем. Таких просто нужно уметь отбрить! Ну, может, Володя тебя обнять бы попытался...

– Да ты что? Нет, не хочу! Я не могу даже вообразить, что до меня кто-то чужой дотронется... Вне дома, среди людей,

даже если это и не такая опасная компания, я всегда, как ёжик, клубочком сворачиваюсь – не достать.

Вот возле Севы мне сворачиваться не нужно. И ощущение жизни возвращается настоящее. Поэтому я и сказала, что без него мне в Москве плохо было бы. И без тебя, Алечка!

Поскольку ребят в женский корпус не пускали, даже ненадолго зайти в гости было нельзя, то лавочка в тенистом уголке под тополями стала своеобразным оперативным штабом. Мы с Севой делились там впечатлениями от очередного сданного экзамена. Под не иссякающий поток из магнитофона какого-то неведомого фаната песенной эстрады.

«Как это все случилось, в какие вечера...»

– Ну и как ты? У меня – пятерка! – Сева сиял и не скрывал этого. – Удалось очаровать препода собственным глубоким анализом поэмы Рождественского! А ты что-то грустная совсем...

– Понимаешь, я чувствую, что и у меня была бы пятерка, но подвел дополнительный вопрос. Дурацкий какой-то... Провокационный. Уж не знаю, кто на него нашел бы «очаровывающий» ответ? Спросили: «Какую книгу о строительстве социализма вы читали в последнее время?»

Меня сразу сбило это слово «строительство»! Встали перед глазами подъёмные краны, вырастающие кирпичные стены... Ну, какую книгу о таком можно вообразить? Читала я не так давно роман Галины Николаевой «Битва в пути», но он на ум не пришел! Там все же об отношениях... О по-

зиции в жизни. От растерянности его не вспомнила...

– Да уж... – Севка даже присвистнул – Не повезло тебе. А по билету что было?

«Три года ты мне снилась...»

– Достоевский. И из теории – понятие стиля. Для меня это в одно целое соединилось. И преподаватель кивал! Не переспрашивал, не уточнял – кивал, выражая согласие. Особенно, когда я сказала, что если кратко, одним словом, то стиль – это «человек». Индивидуальность не литературная, а человеческая. Кто чем «ударен» в жизни, о том и пишет.

У Достоевского ведь, о чем бы ни писал, такая боль везде! Каждую минуту, сквозь каждое его слово, сквозит запредельный ужас, с которым один человек смотрит на то, как другому накидывают петлю на шею... Свое личное переживание он не смог забыть.

«Не знаю больше сна я, мечту свою храню...»

– Не расстраивайся! Четверка – тоже неплохо. Но дальше старайся лучше готовиться. Завтра и начнешь, а сегодня отдохнуть нужно! Голова гудит после экзамена... Давай в кино сходим?

– В кино? А что – давай! Куда?

– Да в ближний кинотеатр. Возле остановки троллейбуса – афиша. Я посмотрел: сегодня у них «Гамлет».

– Ой... Страшно. Я даже книгу эту не открывала, если на ночь!

– Шекспира вспомнить полезно. Эпоху Возрождения

на I курсе изучают! А я где-то читал, что в финале трагедии, написанной гением, должно быть и что-то хорошее. Если сумеешь увидеть... Попробуем?

– Попробуем... Но боюсь, что я не смогу.

...Лучше бы Сева не говорил про хорошее! Мало того, что я вздрагивала каждый раз, когда призрак в черном развевающемся плаще мелькал среди башен замка, так еще и позитив разглядеть старалась. А где он тут? Козни Клавдия удались, Гамлет погиб. Вот разве что...

– Не знаю, тот ли момент я заметила? В качестве примера позитива, – я спросила это, когда мы вышли из кинотеатра. – Помнишь, что ответил Гамлет другу Горацио, когда тот сожалел о смерти Офелии? «К чему грусть? Ведь смерть отнимает то, что нам и не принадлежит».

Если люди в 16 веке всерьез в это верили, то смерть не была для них трагедией! Но было то, что хуже смерти. Гамлет не мог допустить, чтобы подлость и насилие стали нормой отношений между людьми, потому уничтожил Клавдия. Это ведь уже победа?

– Пожалуй, что так... Но у Гамлета и других важных фраз много. А Могильщик и вообще – настоящий философ. После фильма мне захотелось диалоги с ним перечитать...

Я внутренне улыбнулась. Ну, хоть в чем-то не стыдно перед другом-отличником! А поскольку в темном кинозале, да еще при виде мрачных картин на экране, меня охватила нервная дрожь, то потащила Севку в залитый солнцем дво-

рик – к киоскам с мороженым. Вот где настоящий позитив!

– Начала готовиться к английскому? – спросил Сева на следующий день. – У тебя как с ним?

– Вот как раз с английским очень прилично! Я в июле надолго уезжала на дачу к тете Гале, в России она в отпуске, а вообще-то давно живет то в Англии, то в Канаде – муж у нее крупный экономист. А тетя – преподаватель. Мы с ней занималась каждый день, она осталась мной довольна.

– Это хорошо. Но не расслабляйся! Повтори все основательно! И я пойду учить. Тем более, что у меня не было «тети Гали из Канады»...

Не расслабляться я старалась. И уверена была, что английский сдаю хорошо. Ведь на протяжении всего экзамена мы с преподавателем, яркой молодой дамой, почти ни слова по-русски не сказали. Беседовали о стихотворении Пушкина «Мадонна». Дама меня не поправляла, кивала и улыбалась. Потом дала обязательное «дежурное» задание – перевод с английского. Я перевела. Замечаний не было. Но в экзаменационном листе поставила четверку.

С Севой после экзамена мы встретились мельком: он куда-то спешил, а я была сильно расстроена! Сидела на лавочке, подставив ветерку лицо, разгоряченное от переживаний. Откладывала момент, когда придется рассказать все Але. И тут снова появился Ванечка.

«Поет морзянка за стеной веселым дисконтом...»

– Привет! Ты ведь сегодня экзамен сдавала?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Разведка доложила. Ну, значит, можешь устроить себе день отдыха! Поехали в кино?

– С чего ты взял, что я с тобой поеду?

– А чем я хуже других?

На это ответить было нечего. Вот как раз сегодня фирменные Ванечкины веселость и беспечность, что обычно мне чуждо, вызвали невольную симпатию. Устала я уже... И что это за напасть? Как ни старайся, все равно четверка!

«Поверь, мне так твои глаза увидеть хочется...»

Ну, может, я Ване понравилась в хорошем смысле... Не собираюсь же с ним встречаться постоянно. Но один раз в кино... Если Сева занят. Почему нет? Тем более, что привыкла уже к его виду, к тому, что он часто попадает на пути.

– Ладно, поедем. Только подожди, мне нужно переодеться, умыться. С утра ведь ушла...

Когда мы с Ваней подходили к остановке, там заканчивалась посадка в троллейбус. Он курсирует с большими паузами, не успеем – придется долго ждать.

– Быстрее давай! – засуетился Ванечка и, видимо, чтобы помочь добежать, схватил меня за руку,

Мне показалось, что слишком бесцеремонно! По-хозяйски как-то... Ого! А дальше-то, когда уедем далеко (и неизвестно, куда!) что будет? Может, выйдем не у кинотеатра, а где-то в глухом парке... Нет, такая ситуация мне не нравит-

ся! С моей стороны это была чистая паранойя, подогретая происшествием с Володей. Но размышлять, права я или нет, времени совсем не было! И я второпях повторила недавний трюк. Но соврала не про зуб, а про головную боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.